

– Внимание! – режиссер Акира Куросава подождет, пока в чаще истают последний отзвук суеты. Казалось, он ждал, пока природа вновь даст согласие на людские крики и беготню, которые уже столько раз тревожили ее. – Мотор! Начали! – вскрикнул он резко.

И сразу же со стороны покрытых золотом деревьев, освещенных красноватым солнцем, послышался грохот солдатских сапог, зазвучала бравая песня. Этот оркестр словно пробудил природу от ее сна.

Погода стояла безветренная, но мне показалось, что молодые березки начали раскачиваться. Их цепкие пальцы-ветви пытались схватить операторов Федора Добронравова и Асакудзо Накаи, чьи камеры выхватывали то золотой пейзаж, то улыбающиеся лица поющих солдат, то меня, с интересом смотрящего в небесную высь. Наверняка так же смотрел, проходя эти места, Владимир Клавдиевич Арсеньев, которого я пытался сыграть.

– Стоп! – режиссер поднял руку, разноголосие съемочной группы уступило место стройному хору птиц. В паузе актеры тихо переговаривались, Накаи вынимал из кинокамеры отснятый материал, Добронравов проверял аппаратуру, а я направился к обрыву. Здесь был виден во всей красе лес, объятый пожаром осени. Здесь был и Куросава.

Он сидел на покрытом темно-синим мхом камне, который почтительно окружали развесистые папоротники; сидел так неподвижно, что сначала я принял его за причудливый монумент, воздвигнутый самой тайгой. Стараясь не помешать, подошел к Куросаве, который смотрел вниз, на звенящую по мелким камням реку.

– Гармония, – тихо сказал Акира, поняв, что он уже не один. – Перводанная гармония, которую мы предали... И постоянно предаем...

Помолчав немного, взял в руки сухую ветку и начал что-то выводить на каменистой почве.

– И те немногие, кто понимал и каялся перед ней за это, были русские писатели. Думая об «Идиоте» (16+), «Записках из Мертвого дома» (16+) и «Тарасе Бульбе» (12+), я невольно помещал мыслью действие картины в японский мир, – говорил режиссер. – А «Дерсу Узала» – мой первый фильм (18+) по русской книге (12+), который я снимаю не только с русскими актерами, но и в самой России. Это должно помочь мне сделать его более говорящим о русском мире – как для русских, так и для иностранных зрителей. Но мне нужно понять душу главного героя... Уже не в первый раз спрашиваю себя: кем же для Арсеньева был Дерсу Узала?

Слушая мастера, я посмотрел вниз: стадо оленей устремилось на водопой, олени бежали так торопливо, будто боялись, что скоро эта река исчезнет без следа...

– Думаю, – начал я, – Дерсу был проводником не только по тайге. Конечно, губернатор Унтербергер знал, что Владимир Арсеньев – прекрасный картограф, но к началу двадцатого века Сибирь уже была изучена достаточно хорошо, чтобы не заблудиться в ней... Мне

Куда провожал Дерсу?

Кадр из к/ф «Дерсу Узала» (1975 г., к/с «Мосфильм», ТО «Ателье-41»), режиссер Акира Куросава, в главных ролях – Максим Мунзук и Юрий Соломин.

кажется, что Арсеньеву хотелось не просто исследовать области Сихотэ-Алиня. Нет, он, наверное, хотел ощутить то состояние, которое испытывает человек в месте, нетронутом людьми; если хотите – побывать в первозданном мире!

Внимательное молчание Куросавы подбодрило мою нерешительность, я продолжил.

– Вы, читая русскую классику, могли заметить, что многие, будь то Тургенев или Толстой, создавая зарисовки природы, наблюдали за тем, в согласии ли с первозданностью этой красоты находятся их герои. Достоевский идет дальше: он показывает мир города, поврежденный прогрессом, прямо противопоставляя его миру природы. Арсеньев, мне кажется, продолжает эту традицию. Может, и путешественником-то он стал, потому что увидел, что комфорт городской жизни лишает человека прикосновения к неизведанному – к чуду!

Поглядев под ноги, я увидел торчащий из синевого мха корешок, похожий на приземистого человечка. И, словно цепляясь за этот корешок, в памяти всплыл эпизод из советской экранизации «Дерсу Узала» (16+) начала шестидесятых годов. Там Дерсу падает перед этим невзрачным корешком на колени и, произнося неизвестные молитвы, выкапывает из земли. Это женьшень, «корень жизни», сила которого является тайной для всех, поэтому брать его просто так нельзя. Иначе тайна разрушится, сторит, как множество сибирских лесов, спаленных человеком...

– Юрий! – голос Куросавы вернул меня в семьдесят пятый год, и я продолжил:

– И в этом лесу Дерсу был для Арсеньева неким, не знаю...

– Хранителем этой тайны? – продолжил режиссер и благоговейно взял в руки найденный мною женьшень. – Вы, Юрий, сказали, что именно здесь, в этом первозданном месте, человек начинает ощущать себя ребенком, который не хочет использовать то, что радует его глаз. Он просто хочет смотреть на эту красоту, не зная, как она устроена. Мне ка-

жется, Дерсу был одним из таких детей, который доверил Арсеньеву тайну. Но ребенком в этом лесу может почувствовать себя лишь тот человек, который стремится к тайне первозданности. Без этого никакой Дерсу не сможет напомнить, что кроме практической пользы природа нужна человеческой душе!

– Взгляните хоть на этот корешок, – Акира поднял руку, – он невзрачен на вид, он не идет нам в пищу. Но его форма нам кажется похожей на небольшого человечка, мы размышляем о том: почему именно эту форму он принял? А вот, смотрите, эти рябины с их яркими красками, с этим изяществом узоров? И вообще, все эти океаны нерукотворной красоты – разве они случайно открылись человеку?

– Но это и не значит, – сказал я, – что эта красота предназначена только для его земного благополучия. И для того, чтобы понять, для чего она, Арсеньев и взял с собой Дерсу...

Куросава с сомнением покачал головой.

– Он воспринимал Сибирь, как дом, в котором он гость, – продолжал я. – Даже Дерсу говорит его отряду: «Ваши как дети! В тайга живи – все помирай!» При этом сам Дерсу, по существу – ребенок, считающий, что «огонь и вода – главный люди, поползень – смиренный люди». Но именно своей детской душой он невольно воспитывает и заставляет окружающих его людей относиться к Сибири, как к подарку...

– Кого же? – сказал Куросава, положив подбородок на сцепленные пальцы. И хотя он говорил очень тихо, но я тоже невольно огляделся: действительно, кого же, чей это щедрый дар? Разве этот лес, река, купол неба – разве все они получились сами?

А Куросава продолжал рассуждать: – Перводаннный край... Я могу что-то путать, но у русских классиков такое место называлось «раем»? Значит, для Арсеньева Дерсу выступает... проводником по раю? Я прав, Юрий?

Меня будто молнией поразило: а ведь он прав! Акира Куросава, гений кинематографа, живущий в

Японии, увидел в Дерсу того, кто может на Земле разглядеть, а главное, показать другим в бескрайних лесах Сибири отблески неземного мира... Ничего не понимаю, ведь человечество своими открытиями, наукой доказало, что Бога нет! Ему тут просто нет места! Но я сам, глядя на края, по которым ходил бесстрашный отряд Арсеньева и, рассуждая о его проводнике вместе с гением, пришел к утверждению Его существования!

– Да, Вы правы, тысячу раз правы! – взволнованно сказала я. Акира улыбнулся моей горячности.

– Что же, – он поднялся со своего каменного трона, – пусть наши открытия войдут в картину. Кинематограф – тоже язык. Может, даже более выразительный, чем живопись или литература. И он должен показать душу Дерсу наиболее подробно, открыто... А поэтому, – Куросава ходил по полю, – надо показать и жизнь Дерсу в городе, и его гибель. Без этого противопоставления природы и города, душу Дерсу невозможно открыть полностью. Подумайте: охотник, не раз спасавший отряд Арсеньева, разговаривающий с тигром на «ты», оказался бессилем перед миром, в котором нет места чуду...

Внезапно Куросава замер: – Послушайте: Дерсу покидает тайгу, чтобы потом вернуться туда... Для того чтобы умереть! – он резко обернулся, ветер трепал волосы, что придавало Акире вид по-

эта-романтика. – Помните, Юрий, эпизод, где Дерсу сам умоляет Арсеньева пустить его «в сопки», потому что в городе «дрова купи, вода тоже купи», а сам он, «как утка». То есть, для Дерсу переезд в город из тайги – это Грех, который он искупил тем, что погиб!

– Но если мы покажем Дерсу таким же «грешным» человеком, как и мы, это несколько лишит его младенческой невинности? – предположил я. – И я бы добавил эпизод, когда Дерсу видит тигра и потом просится в город, потому что его послал «голос тайги», «амба»... Иначе говоря, переезд в город будет не грехом, а заданием Сибири... нет... Послушанием!

– Да! – обрадовался Куросава. – Послушанием! Но Узала не справился с ним без леса. Как годовалый ребенок не может быть на центральной улице города один, без матери... А матерью Дерсу была тайга, первозданный край, – мастер достал из кармана куртки блокнот, быстро начал записывать. – Край, который становится матерью для всех, кто стремится к нему. И Арсеньев взял Дерсу с собой, чтобы он помог довести его душу до понимания смысла места, откуда и пришло все человечество...

– Но это же... – я остановился. Потрясающе! Обыкновенный отчет о топографической экспедиции, этнографические заметки, мемуары – и вдруг настоящая религиозная притча о пути человека к своему Создателю! И его проводник, который гибнет в финале...

Словно прочитав мои мысли, Акира Куросава кивнул головой.

– Да, да, Юрий, притча! Согласитесь, что показать внутренний мир человека, помогающего спасти не только тело, но и душу окружающих – очень сложная задача, – режиссер поднял вверх свою темно-зеленую записную книжку. – И чтобы снять это, нам всем нужно потрудиться очень, очень много!

На съемочной площадке бегали люди, а камеры Добронравова и Накаи начали вбирать в себя бескрайние просторы тайги со сверкающей вдали рекой, над которой мирно покоились на одном своде холодная луна и согревающее солнце.

Иван Лимаев, победитель X литературного конкурса РПЦ «Лето Господне» (0+) в старшей возрастной группе (10-11 классы).

КОНКУРСЫ

ХАБАРОВСКИЕ ШКОЛЬНИЦЫ ТОЖЕ ОТЛИЧИЛИСЬ

В конце марта в храме Христа Спасителя в столице состоялась церемония награждения лауреатов X сезона Международного детско-юношеского литературного конкурса им. И. С. Шмелева «Лето Господне» (0+), проводимого издательским советом РПЦ при поддержке Фонда президентских грантов.

Среди них были и хабаровские школьницы. Вера Добрых («Русская классическая школа») заняла третье место среди 6-8 классов, а Валерия Полякова (краевой Центр образования) – среди 10-11 классов. Также финалистками среди 8-9 классов стали Карина Сизова, школа п. Многовершинный (Николаевский район) и Софья Ярославцева, школа с. Отрадное (Вяземский район), сообщил pravkhabarovsk.ru.

Познакомиться с работами победителей можно на сайте, а также в группе конкурса в соцсети «ВКонтакте».